

А. В. Маслова

Qui pro quo **ИНТУИТИВНЫЕ ОСНОВЫ** **РАЗУМА**

Анастасия Владиленовна Маслова

Qui pro quo. Интуитивные основы разума

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67726736

Qui pro quo. Интуитивные основы разума: монография / А. В. Маслова:

Директ-Медиа; Москва, Берлин; 2021

ISBN 978-5-4499-2005-8

Аннотация

Феномен интуиции вызывает большой интерес в современном гуманитарном знании. Философия, психология, культурология, методология научного исследования обращаются к поиску природы интуиции, по-своему играющую роль в каждой из прикладных сфер данных наук.

Вопрос о том, какова природа интуиции является необходимым ответом на рост иррациональных веяний сегодня, в связи с открытостью и рисками.

Данная книга посвящена обоснованию интуитивной природы разума, который вплоть до XX века считался единственным гарантом истины. Но без интуиции разум не способен совершить научное открытие, сделать выбор, понять другого. Сегодня, в период цифровизации и информатизации общества роль интуиции становится все более значимой. Интуиция является

когнитивным феноменом, пронизывающим все сферы жизни человека.

Монография будет полезна специалистам в области философии, эпистемологии, психологии, студентам, изучающим философию, психологию, историю медицины, а также всем интересующимся вопросами природы интуиции.

Содержание

Предисловие	6
Ratio	8
Становление европейского рационализма: от образно-символического к дискурсивному мышлению	8
Специфика образно-символического мышления. Преднаучное знание	10
Образ мира в эпоху античности: от мифа к логосу. Рациональность архаического мышления	31
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Анастасия Маслова
Qui pro quo. Интуитивные
основы разума

**МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИНГВИ-
СТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ**

© Маслова А. В., текст, 2021

© Издательство «Директ-Медиа», оформление, 2021

Предисловие

*В одно мгновенье
видеть вечность,
Огромный мир – в зерне песка,
В единой горсти —
Бесконечность
И небо – в чашечке цветка.*

У. Блэйк

Qui pro quo, одно вместо другого – свойство комического, когда мы одно принимаем за другое и от осознания этого несоответствия, вызванного недоразумением собственно ума, мы начинаем смеяться. В истории философии понятия приобретают многозначность и зачастую возникает путаница в их применении, что вызывает не только смех, но и отчаяние перед непониманием.

В современном мире философских конструкций каждый избирает для себя свое исследовательское поле, которое захватывает присущие его характеру, образу мышления и настроению тексты и соответствующие смыслы. Однако как вычислить эти тонкие черты философского исследования, как определить причинно-следственную связь смыслового потока конкретной личности? К написанию данной работы меня вдохновило второе предисловие Канта к «Критике чи-

стого разума», в нем он говорит о некой заложенной уверенности Галилея в том, что будет только открыто им рациональным научным методом, который он сам и создаст¹.

Это поразительное допущение стало путеводной нитью данной книги. Она является продолжением исследования соотношения априорного знания и интуиции в творческой работе ученого. Интуиция Канта привела к целому исследованию, посвященному роли интуиции в научном познании. Стоит сказать, для того, чтобы начать исследовать в данном ракурсе интуицию, необходимо было впустить ее в процесс научного исследования, оправдать ее эвристическую роль, как действительно важный элемент научного познания. В данной книге анализируется исторический путь развития *ratio*, от самых его оснований, где только начинает формироваться корневая система рациональности к пышному цветению науки современности. Научно-исследовательский характер книги состоит в тщательном разборе исторических оснований *ratio*, анализу живого научного творчества и обоснованию роли интуиции в когнитивной деятельности человеческого ума, которая выходит за пределы научной деятельности.

¹ Речь идет об открытии Галилеем закона свободного падения тел и его математического оформления, которое послужило образцом научного исследования в контексте естествознания.

Ratio

Становление европейского рационализма: от образно- символического к дискурсивному мышлению

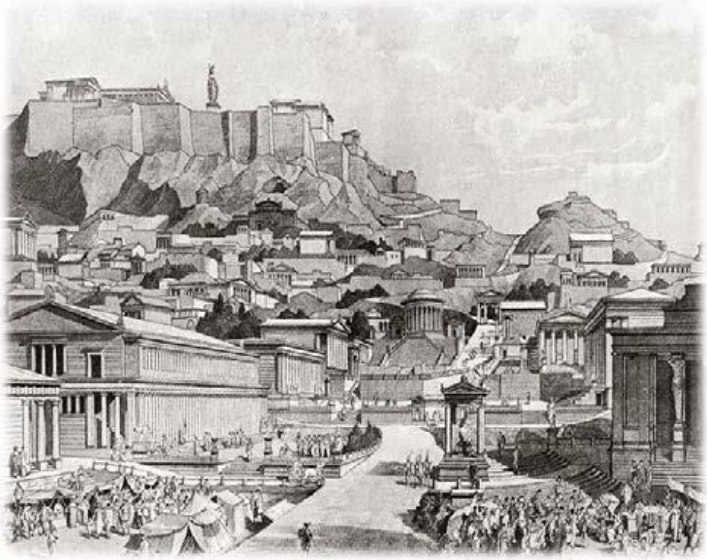
Глава посвящена рассмотрению природы образно-символического мышления в его движении к дискурсивному. Дискурсивное мышление представлено в контексте становления европейского рационализма, элементы которого обнаруживаются уже в недрах древнегреческой философской мысли. Актуальность использования результатов греческих философов связаны с пониманием той интеллектуальной революции, которая произошла в VI веке до н. э. и затем дала толчок становлению европейского рационализма как направления со своим особым понятийным языком и проблематикой философии в целом.

Первые, наиболее общие понятия: «космос», «логос», «энтелехия» и т. д. явно указывают на становление понятийного языка и соответствующего стиля мышления, который преодолевал религиозное понимание и объяснение наблю-

даемых процессов и явлений природы. При этом, «возникновение космоса и других естественных явлений ионийские "физики", – отмечает Ж.-П. Вернан, – объясняли чисто рациональными причинами и в отрыве от религии»². Это, в свою очередь, способствовало появлению нового направления в познавательных поисках мыслителей, объединивших философию и «науку» в общем поиске первопричин порядка вещей. Именно с милетской школы идея космического порядка получает рациональное объяснение. Отныне космос подчиняется закону, правилу (*nomos*), порядку, в соответствии с которым ни один из элементов его не может рассматриваться как обладающий властью (*kratos*) над установленным порядком вещей, природных процессов и стихий. Такой взгляд стимулировал дальнейшее развитие рационального подхода к миру, где умопостигаемый, упорядоченный космос, и картина наблюдаемой вселенной предстают как взаимосвязанные части единого целого. Эпистемологическое значение этих идей состоит в том, что они повлияли на развитие целого направления исследований внутри философии – философии природы. Именно в недрах натурфилософии можно обнаружить систему рациональных понятий, что, в целом, позволяет рассматривать этот исторический этап философии как начало европейского рационализма. На первых его этапах для него характерна экстраполяция подходов, использу-

² Вернан Ж.-П. Происхождение древнегреческой мысли: пер. с фр. / общ. ред. Ф. Х. Кессиди, А. П. Юшкевича. – М.: Прогресс, 1988. – С. 13.

емых по отношению к объектам природы – на человека, направленность на познание основ природы человека и выявление специфики его мышления и познания.

Специфика образно-символического мышления. Преднаучное знание

Проблема рациональности как способа организации философского и научного знания имеет свою историю. Начала рациональности лежат в философской и научной мысли на

самых ранних этапах их развития.

Проблема рациональности связана непосредственно со становлением преднаучного знания, соединяющего в себе естественнонаучное объяснение процессов наблюдаемой действительности с философским пониманием сущности самих этих процессов, в том числе, в их приложении к специфике процесса познания. Здесь следует обратить внимание на то, что уже первые мыслители древности, описывая стихии природы и космос в целом, рассказывая о происхождении мира и определяя место человека в нем, как это делали, например, Гомер и Гесиод, широко использовали сюжеты мифологического повествования, придавая ему философский, понятийный смысл. Однако образно-символический язык повествования у Гомера использовался не в ущерб обоснованию идеи гармонии и мирового порядка, который мы находим у Гесиода, и который построен на принципах симметрии, равновесия, равенства между элементами природного космоса, возрождения порядка из хаоса.

Первые общенаучные, а точнее говоря, донаучные рациональные понятия объясняли сложную природу организации мира, и использовались для объяснения всей предыстории становления человечества.

Основную тенденцию в использовании общих понятий, их роль в становлении европейского рационализма как особого направления внутри европейской философской мысли мы можем характеризовать как постепенный отход от рели-

гиозного объяснения порядка вещей. И хотя мифология и мифопоэтическое объяснение в целом продолжают сохраняться в менталитете греков, отделившись от религиозного мышления и телеологического объяснения, разум и рациональное объяснение продолжают сохранять тесную связь с мифом еще долгое время. При этом все очевиднее становится тенденция к рациональному объяснению природы и человека. Суть его состоит в том, что оно превосходит миф в своем движении от образно-эмоционального к дискурсивному мышлению, закрепляя за дискурсивным мышлением элементы понятийного языка (как научного, так и философского смысла). Такого рода секуляризация, когда «естественная религия вытесняется дискурсивной и более точной формой мысли, а именно философией»³, обеспечила в конечном итоге превосходство философии над мифологией, и при этом становление понятийного языка стимулировало формирование научных подходов к объяснению феноменов человеческого познания и мышления.

Следует пояснить, что использование преимущественно мифологических образов для объяснения сложных процессов и явлений природы, событий истории и взаимоотношений людей мы относим к архаическому типу мышления. Особенность его состоит в том, что в объяснении сложных процессов познания и мышления философы использовали

³ Шульга Е. Н. Когнитивная герменевтика. – М.: Российская академия наук ИФ РАН. – С. 24.

прием рассуждения по аналогии. Так, посредством аналогии проводится параллель между космическим порядком, гармонией и внутренней, душевной жизнью человека.

При этом к объяснению сущности человеческого познания применяются те же критерии гармонии и порядка, которые наблюдаются в природе. На этом фоне «Боги, которые были непосредственным олицетворением космического ритма, являлись также олицетворением порядка в человеческом обществе»⁴. Вместе с тем, природные катаклизмы и стихийные бедствия характеризуются как нарушение предустановленного порядка в природе. Эти нарушения рассматриваются как проявления дисгармонии, ассоциированные со злом, которое существует в мире людей, в обществе. Тем самым понятие «зло» приобретает этическую нагруженность и рассматривается как одно из первых понятий с философским смыслом.

Особенность первоначального этапа становления философской мысли такова, что в ней находит отражение сочетание и согласование рационального и религиозно-мистического объяснения мира, и где целостность архаического миропонимания реконструируется на основании реконструкции смысла и его отдельных элементов. В целом же для архаического миропонимания характерна тенденция к множественности понимания смысла одного и того же образа, ри-

⁴ Шульга Е. Н. Когнитивная герменевтика. – М.: Российская академия наук ИФ РАН. – С. 26.

туального действия или сюжета того или иного мифа, придания смысла действиям богов и героев, интерпретируемых в зависимости от контекста. Такая множественность смысла, с одной стороны, стимулировала поиск рациональных аргументов, наиболее простых для понимания людей, как это делали, например, странствующие учителя и переводчики Гомера, по текстам которого обучали не только мифологии, но истории народа, рассматривая поступки героев как образец для подражания, или, напротив, указывая на то, чему не стоит подражать. Например, некоторым поступкам богов.

Не случайно и то, что воззрение на природу, которые восходят к идее богопочитания в доэллиническую эпоху, затем были этически укоренены в миропонимании и преобразованы. «Боги, – как пишет Э. Целлер, – были возвышены до значения нравственных сил, идеалов человеческой деятельности и человеческих отношений; и если религия как таковая и в мистериях, и в публичном культе не вышла за пределы антропоморфического политеизма, то она все же содержала в себе жизнеспособные зародыши, которые достаточно было только развить, чтобы вывести их за эти пределы»⁵. С одной стороны, это способствовало поддержанию религиозного чувства, закрепляемого в ритуалах и мистериях, а с другой стороны, все отчетливее утверждалось превосходство рационального, дискурсивного мышления над архаическим

⁵ Целлер Эдуард. Очерк истории греческой философии / пер. с нем. С. Л. Франка. – М.: «Канон+», РООИ «Реабилитация», 2012. – С. 26.

миропониманием.

Однако элементы архаики сохраняются, обнаруживая себя на обыденном уровне мировосприятия. Но и это имеет рациональное объяснение. Дело в том, что обычное сознание (не научное, не философское) ищет истину отчасти в восприятии, отчасти в представлении или мнении (*doxa*). Практический характер направленности познания выражается в становлении истин морали, в этике повседневной жизни человека, наряду с господствующими нравственными принципами, характерными для данной исторической эпохи. Отыскивая рациональные доводы и рациональные основания для утверждения ценности истинного знания и преимуществ такого рода знания над обыденным, греческие философы приходят к мысли о необходимости различать этапы познавательной деятельности и типы знания.

Так, рассуждая о специфике восприятия и противопоставляя его представлению, Платон подчеркивает, что знание опирается не только на восприятие или на представление, даже если оно правильное (термин Платона). Правильное представление лежит посередине между знанием и незнанием (Платон. «Менон», 97). Более того, представление может быть истинным или ложным и приводить к заблуждению, в то время как знание всегда истинно.

В этом же контексте, рассуждая по аналогии, Платон говорит о добродетели. По Платону, добродетель опирается не на знание как таковое, а на правильное представление и на

привычку. Однако проявление добродетели подвержено случаю («Менон», 89D); человек проявляет добродетель в виде добра, но в иных случаях — в форме зла. Например, по отношению к друзьям он демонстрирует добро, а к врагам — зло, и в целом действует в соответствии с теми нравственными требованиями, которые восходят либо к представлению об удовольствии, либо к представлению о пользе. Однако только знание (как таковое) дает верное основание правильного добродетельного поведения.

Так, отношение человека к удовольствию как высшей цели жизни может привести к вседозволенности, а вседозволенность есть не что иное, как смешение понятия о добре с тем, что человеку нравится, или не нравится. Поэтому лишь философия определяет то, что является безусловной ценностью для человека, и этой безусловной ценностью человеческого бытия является его нравственность. «Корнем ее является эрос, стремление смертного возвыситься до бессмертия — стремление, которое, переходя постепенно от чувственного к духовному, от единичного к общему, находит свою истинную цель в созерцании и изображении идей»⁶. Средством познания в этом случае является отвлеченное мышление, диалектическое (в понимании Платона). С одной стороны, познание направлено на образование понятий и характеризуется как результат восхождения от единичного к всеобщему.

⁶ Целлер Эдуард. Очерк истории греческой философии / пер. с нем. С. Л. Франка. — М.: «Канон+», РООИ «Реабилитация», 2012. — С. 132.

му, от причинно-обусловленного – к безусловному. С другой стороны – это движение от общего к частному, посредством промежуточных звеньев в цепи рассуждений о конкретном предмете. Тем самым философия рассматривается как особый тип знания и, одновременно, способ познания, который объединяет всякое знание о предмете на том основании, что оно правильно осуществляется и нацелено на выполнение нравственных задач, соединяя в себе внерациональные и рациональные аспекты познания.

Среди известных способов и методов рассуждения таких, как, индукция, дедукция, философы античности широко применяли аналогию, в частности, в объяснении сложных явлений и процессов. Первые философы, изучавшие и комментировавшие мифы, исходят из чисто человеческого понимания событий, воспетых в мифах, и приписывают богам чисто человеческие качества. Однако уже с появлением первых систематических опытов философского понимания и истолкования мира и происхождения человека, можно обнаружить ту широту представлений, которая согласуется с первыми абстрактными понятиями. «Например, Зевс, в понимании орфиков, – пишет Е. Н. Шульга, – это жизнь, Кронос – время, Пан – символ "всего", Деметра – мать "всего". Орфеотелесты (посвященные жрецы) учили, что Зевс породил Диониса Лисея (т. е. Диониса Отрепителя), чтобы освободить душу, заключенную в человеческом теле как в гроб-

нице и приготовить ей путь к вечному блаженству»⁷.

Итак, появление такого рода толкования знаний свидетельствует о том, что уже в русле мифопоэтического миропонимания зарождается абстрактное мышление, что выражается, в частности в объяснении телесных явлений как связанных с духовной сферой. Интересно отметить не просто преимущества образного объяснения как свидетельство доминирования образного мышления над абстрактным, но на этом фоне становится очевидным использование и определенных способов объяснения действительности, которые мы можем характеризовать сегодня как рациональные. В частности, к таковым относятся рассуждения по аналогии, наряду с широким использованием метафорического языка. Эти способы рассуждения (аналогия и метафора) сохраняют свой исследовательский статус и могут характеризоваться как эффективный способ познания природы человека.

Конечно, познание природы человека, объяснение специфики интеллектуальной деятельности имеет длительную историю и «история интеллекта» может рассматриваться с точки зрения «эволюции идей», прежде всего, в контексте философии.

Как рефлексивная форма деятельности ума философия имеет свои предпосылки, связанные с деятельностью не только мифологических персонажей, но конкретных людей.

⁷ Шульга Е. Н. Когнитивная герменевтика. – М.: Российская академия наук ИФ РАН, 2002. – С. 74.

Причем та или иная деятельность людей объясняется как находящаяся под покровительством Муз, дочерей Гармонии, или, согласно Гомеру и Гесиоду, дочерей Мнемозины, т. е. памяти. «Музы, – пишет Ф. Ф. Зелинский – покровительствовали всему умственному труду человека – *amisos* называли того, кто к нему был неспособен: “да не доведется мне жить среди амусии”, – молился некогда Еврипид»⁸. Это, в свою очередь, указывало на первые попытки выделить и специфицировать умственную деятельность, придать ей особый статус. На такое отношение к интеллектуальному труду указывает тот факт, что первые философы, или «семь мудрецов» – это были не просто мыслители, но практики, которые формулировали свои сентенции, соединяя образно-эмоциональное мировосприятие и умозрительное абстрактное объяснение в приложении к действительности. Но «только один из них— Фалес— расширил компетенцию мудрости и выступил одновременно как “зачинщик” умозрительного испытания природы, знаменуя тем самым переход от практической (ценностной) рефлексии к рефлексии теоретической, а вместе с этим и переход от обладателя мудрости к её любителю и искателю»⁹.

Итак, первые попытки понять особенность философского мышления и определить философию как особый способ су-

⁸ Зелинский Ф. Ф. Эллинская религия. Мн.: Экономпресс. 2003. – С. 62.

⁹ Семушкин А. В. У истоков европейской рациональности. – М.: Интерпакс. 1996. – С. 11.

ществования, как тип знания, восходят не просто к этимологии слова «философия». Слово «философия» принадлежит Пифагору, который понимал его буквально как «друг мудрости». «Мудрость для философа должна быть началом и концом всего, но не предметом лишь некоторой склонности или средством для составления карьеры. Мудрость – его владычица, которой он должен отдать всю свою жизнь. Так представлял себе Пифагор философа. Для обозначения “мудрого человека” употреблялось слово *обсрод*. . . Но Пифагор любил мудрость лишь ради нее самой. Размышлять значило для него развивать в себе высшие свойства человека. . . Таким образом, Пифагор, назвав себя философом, другом мудрости, желал отделить себя от тех, кто видел в этой мудрости не цель, а средство»¹⁰.

Конечно, мудрость представляет собой феномен, который может проявляться как *праксис*, т. е. метод достижения практических целей и, одновременно, *сверхчувственная* способность, которая выводит философа за пределы практической жизни (этико-правовой области) в область познания, условием которого является философский образ жизни. Этот круг проблем можно характеризовать еще и как выход к проблематике обоснования самой предметной области философии. Тем самым натурфилософская направленность на познание природы, наряду с выяснением сущности человека и сфер его интеллектуальной деятельности (этической, гно-

¹⁰ Дж. Г. Льюис. История философии. – СПб. 1892. – С. 42.

сеологической и т. д.) в дальнейшем способствуют согласованию научного и философского знания, элементы которого лежат в основе научной рациональности.

Интересно отметить, что наряду с этой тенденцией к рациональности в объяснении мы обнаруживаем другую направленность, которая находит отражение в образе «богословствующих мыслителей» (термин Аристотеля), прежде всего, это Акусилаи, Лиина, Мусей, Эпименид, Ферекид, Орфей. Все эти мыслители названы богословствующими в связи с предметом их рефлексивных поисков ответа на вопрос: чем является душа человека, и, как следствие, что представляет собой духовный мир и каковы его метафизические основания. Так, согласно орфикам, душа является пленницей тела и может быть освобождена из него. Однако именно используемые методы познания, позволили Аристотелю приравнять орфиков к философам. На это указывает сам факт признания в человеке самосознания наряду с бессмертной душой. Более того, «личность, – как отмечает Шульга, – представлялась наследницей персональной истории и непрерывающегося эволюционного пути – всегда становящуюся и улучшающуюся в этой и иных жизнях до тех пор, пока она не станет подобной Богу»¹¹.

В целом, все это дает основание рассматривать концепцию орфиков как образец становления основного понятий-

¹¹ Шульга Е. Н. Когнитивная герменевтика. – М.: Российская академия наук ИФ РАН, 2002. – С. 75.

ного аппарата философской онтологии на ее предфилософском уровне. При этом направленность на познание глубинных основ природы человека не снимает значения этической направленности любых последующих философских выводов, что мы особо подчеркнем, когда будет рассматриваться вопрос о телесной природе человека в контексте медицины Галена. Важный аспект познания телесной природы человека связан с практическими задачами лечения болезней и врачеванием в целом как особой деятельностью. Именно философы все чаще говорят о человеке в связи с его телесной организацией, что не снижает интереса к познанию особенностей человеческого мышления. Такой подход к человеку приводит к пониманию его двойственной природы – духовной и телесной, стимулируется задачами практического характера и опосредует развитие рационального мышления. Изучается не только телесное в человеке, или соматическое, но философскому осмыслению подлежит определение тех условий жизни, без которых само понятие о человеке потеряло бы всякий смысл. Телесное и духовное, таким образом, оказываются в центре внимания как врачей, которые наблюдают за развитием болезни, оказывая помощь в преодолении недуга, так и философов. При этом социальный статус врача в обществе приравнивается к статусу философа, мудреца и целителя.

Рассматривая медицину как образец рационального познания, нельзя не отметить, что медицина развивалась на

фоне тех традиционных мифологических и религиозных воззрений, которые сопутствовали становлению европейского рационализма в самых его истоках, закладывая основы преднаучного знания. Этот процесс развития рационального познания, эволюция знания в его движении от мифа к Логосу мы проследим на примере медицины Галена как одной из первых систематических наук о человеке и его телесной организации.

Для античности характерен целостный взгляд на мир, он служит цели объяснения наблюдаемого единства человека и мира, где боги все еще играют конструктивную роль – мир отдан во власть и попечение богов, а человек включен в структуру этого целостного образа мира. Это находит отражение в конкретных представлениях о человеке. Так, за телесное здоровье несет ответственность и покровительствует врачеванию бог Асклепий. Он утвердился в Афинах в образе Священной Змеи, и этот образ стал символом врачевания. Культ Асклепия и его символика можно характеризовать как включение архаического элемента в систему конкретного знания. В эпоху античности медицина как род практического знания формируется под сильным влиянием философии, которая развивает собственные рациональные методы и опирается еще во многом на холистическое, целостное восприятие мира. Подчеркну, что холистическое восприятие мира подразумевает особое чувство времени; при этом время воспринимается как цикл сменяющих друг друга природных

явлений, повторяющихся с определенной последовательностью и закономерностью, что как раз направляет восприятие его в контексте вечного повторения.

Внутри такого целостного восприятия сам человек и циклы его жизни подчиняются ритму универсума. Однако для архаического мировосприятия эти ритмы не случайны, и они подчинены конкретному богу, титану Кроносу, т. е. времени. В целом такое архаическое мировосприятие, где сохраняются элементы мифологического и образно-символического объяснения и мышления, например, в понимании организации человека телесного и духовного, оказывает влияние на формирование многообразных способов освоения действительности.

Причем этот тип мировосприятия оказывает влияние на формирование конкретной деятельности, направленной, в частности, на познание «человека телесного», в связи с преодолением и лечением недугов, их классификации и систематизации способов лечения. Поэтому стоит отметить, что врачевание имеет собственную интересную предысторию, связанную с поиском эффективных способов лечения. При этом основы медицины закладываются в недрах античной философской мысли с ее нацеленностью на сочетание образно-символического и дискурсивного мышления. И если образно-символическое объяснение находит реализацию в различных сферах духовной деятельности (в различных видах искусства), то дискурсивность мышления проявляется в по-

нятийном языке науки, формируя, тем самым, теоретическое знание.

Историю искусства врачевания мы можем реконструировать, анализируя те культурно-исторические традиции, о которых сохранились сведения и письменные источники, памятники культуры. Хочу обратить внимание на конкретные факты, подтверждающие мысль о том, как осуществлялся процесс познания, обращаясь к малоизвестным видам творческой деятельности человека эпохи античности.

Отмечу, что в раннерелигиозных традициях Древней Греции особое место занимают мистерии как деятельность, которая включает в себя религию, ритуал и философию. Мистерия выступает как особое ритуально-мистическое действие, сакральный смысл которого осознается как визуализация определенной идеи, ради которой он и происходит. Осознание человеком («клиентом») смысла этой идеи посредством ритуала призвано врачевать и даже исцелять как тело человека, так и его душу. Таким образом, мистерия является способом исцеления человека посредством участия в ритуально-мистическом действии.

«Случается иногда, – пишет М. Элиаде, – что торжественное чтение космогонического мифа используется для излечения некоторых болезней и дефектов»¹². Более того, личное участие в таком действии с чтением текста определенно-

¹² *Элиаде Мирча. Аспекты мифа / пер. с франц. – М.: Академический проект, 2001. – С. 56.*

го содержания способствует полному погружению в смысл мистерии, благодаря чему у человека раскрывается особая интеллектуальная и когнитивная способность – это способность припоминания.

Тем самым, припоминание рассматривается как один из эффективных способов получения знания и даже как метод познания (например, в герменевтике), где он сопряжен с внутренним мысленным проживанием какого-то процесса (например, мифологического сюжета), сопереживанием ему. Такое припоминание как соучастие, проживание смысла в процессе чтения текста рассматривается как погружение в его контекст. В конечном итоге, погружение в контекст во время ритуала способствует исцелению, восстановлению физических и духовных сил человека, раскрытию его внутренних ресурсов.

Такое архаическое представление о способах врачевания происходит из мировосприятия, которое, например, И. А. Герасимова именует «архаическим ритмомышлением»¹³, где ритм предстает как важная категория в объяснении природы человека. На мой взгляд, ритм как пульсация мысли и воображения (что как раз и есть «ритмомышление») в случае мистерии, является способом погружения в сверхсознательное и даже прорывом к трансцендентному.

В случае чтения-слушания текста с космогоническим со-

¹³ Герасимова И. А. Танец: эволюция кинестезического мышления. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 111.

держанием человек ассоциирует себя с событиями, которые этот текст передает, отождествляет себя с миром, в целом процесс зарождения которого переживается в сознании как заново творящийся в себе самом. При этом восприятие себя актуализируется всякий раз заново и в момент экстаза может наступить катарсис как ощущение полной гармонии души и тела. Так происходит процесс обновления и оздоровления человеческого тела, и этот способ врачевания остается популярным в течение многих веков и для многих народов.

Современные исследователи связывают этот вид исцеления с особым способом получения информации о мире, скрытой от непосвященного, в основе которого, как отмечает И. А. Бескова, «лежала полная, всеобъемлющая включенность человека в универсум, обусловленная его единой с миром глубинной природой, вследствие чего для него оказывалось возможным *познание как прямое непосредственное усмотрение происходящего в другом как во-мне-самом совершающегося*»¹⁴.

В связи с этим важно еще раз подчеркнуть ценность архаического способа понимания мира и тем значением, которое античность придает ритуалу и тексту, способам понимания сакрального смысла.

В поиске понимания (себя, другого) состоит одна из задач

¹⁴ Бескова И. А. Феномен интегральной телесности / И. А. Бескова, Е. Н. Князева, Д. А. Бескова // Природа и образы телесности. – М.: Прогресс-традиция, 2011. – С. 248.

врачевания – как физического тела, так и души. Лечение души как раз и происходит, в частности, посредством чтения текстов и/или участия в ритуально-мистических действиях. В дальнейшем отношение к тексту утверждает эту идею, рассматривая писательство, создание философских, религиозных и литературных текстов как важный способ реализации человеческого интеллектуального потенциала, раскрытие его личности и т. д.

Важно подчеркнуть значение рассмотренного исторического этапа, в недрах которого уже просматриваются определенные рациональные элементы представлений о телесно-духовной организации человека. Мистицизм культа и ритуал мистерии мы можем сегодня характеризовать как образец интуитивного опыта погружения в область за пределами разума и рационального мышления. Ценность этого знания о человеке и его когнитивных особенностях мы можем характеризовать как первый опыт овладения сверхрациональным знанием посредством интуитивного способа познания. Кроме того, интересен сам способ передачи (и сохранения сакральности) знания через символику ритуального действия, направленного на исцеление души и тела, наряду с усвоением смысла, которым овладевал человек. Тем самым религиозный и философский смысл знания в форме мистерий в конечном итоге способствовал развитию познавательных способностей человека и при этом был направлен на трансляцию культурных смыслов, как определенных универсалий

познания через действие. Конечно, такая практика теряла свое значение. Философия вытеснила мистерию.

Особое значение имеет проблема соотношения рационального и иррационального в связи с формированием науки, в качестве образца я буду рассматривать становление европейского рационализма как феномена, сопряженного с формированием конкретного научного знания и образцом такого выступает, в частности, медицина.

Распространение натурфилософских идей, в особенности, в связи с задачей лечения недугов, болезней, ран, поддержанием гигиены тела и здоровья человека в целом стимулировало развитие медицины. Именно в практике врачевания наиболее ярко прослеживается связь рационального и иррационального. Дело в том, что врач в своей конкретной деятельности опирается не столько на интуицию, сколько на конкретные знания, полученные практическим путем, в процессе изучения строения тела человека и функционирования организма. При этом он во многом следует философии, в частности, в ее этическом аспекте. Например, в вопросах жизни и смерти, подхода к исследованию тела человека, в вопросах диагностики, в поиске способов взаимодействия врача и пациента и т. д.

Такой аспект исследования позволяет проследить эволюцию представлений о человеке, его телесной организации, болезнях и способах лечения в связи с совершенствованием знания в области познания человека и его природы.

Рассматривая эти вопросы, я буду опираться на представление о том, как осуществляется развитие научного знания, в частности, в связи с его проблемной направленностью. Становление нового знания происходит благодаря тому, что элементы предыдущего опыта познания сохраняют свою эвристическую ценность в последующем. Этот принцип касается как общефилософского направления исследований, так и эмпирической составляющей научного знания, в частности, в познании двойственной природы человека. Под «двойственностью» процесса познания будем понимать наличие рациональных и внерациональных элементов познания. Для уточнения смысла и содержания этих аспектов процесса понимания и познания обратимся к философскому наследию.

Так, Аристотель признает как рациональные элементы познания, так и внерациональные формы мышления, используя образно-символическое объяснение того, что скрыто в человеке. Так в работах «О душе», «Об исцелении» философ говорит об относительной самостоятельности души, на том основании, что душа способна покидать тело во время сновидений. Поэтому резкое пробуждение ото сна как прекращение сюжета сновидения опасно для жизни и здоровья человека. На мой взгляд, этот пример связан с признанием двойственной природы человека: внешней (телесной) и внутренней (скрытой). В дальнейшем философы размышляют о специфике мышления и познания, заменяя понятие «душа» конкретными представлениями о когнитивных спо-

собностях человеческого сознания и рассуждают об эпифеноменах.

Эволюция рациональности сопряжена с эволюцией человеческого мышления и развития форм и способов познания. Признание скрытых элементов деятельности, которым придавали характер мистического начала в человеке – такое понимание поддерживается философами на протяжении многих веков. При этом образно-символическое мышление предшествует становлению дискурсивного мышления, сохраняя в познании элементы этих типов мышления.

Взгляд на человека как на сложноорганизованное целое характерен для современного этапа рациональности, но он не противоречит пониманию того, что элементы архаического миропонимания могут проявляться в современной науке и миропонимании в целом. Вместе с тем зачатки представления о человеке как о сложноорганизованном целом обнаруживаются на протяжении всего этапа становления европейского рационализма.

Образ мира в эпоху античности: от мифа к логосу. Рациональность архаического мышления

Обращение к истории философии дает богатый материал для обоснования концепции европейского рационализма, идеи которого восходят к древнегреческой философской

мысли, которая имеет свое начало в единстве мифологического и рационального. Так, рассматривая сущность мифологического мышления, мы обнаруживаем в его недрах зерна рационалистического толкования мира. Не случайно, как отмечает А. В. Семушкин, «Наряду с религиозно-поэтическим воображением в мифологии все явственнее обнаруживается ее подпочвенный конструктивный слой, или, как называл его М. Лифшиц, "логомифия" – рациональная и внутренне организованная структура мифопоэтического мышления»¹⁵.

Это внутреннее глубинное основание мифа постепенно раскрывалось и пробивалось через множество слоев ярких образов сюжетного каскада мифов, которые стали импульсом для создания нового, рационально обоснованного и философского способа постижения мира и человека в нем. По меткому замечанию К. Хюбнера, «боги есть суть *a priori* древних греков» и через динамические образы богов миф «артикулирует и упорядочивает мир вообще»¹⁶. Более того, «миф обладает собственной рациональностью, которая реализуется в рамках собственных понятий об опыте и разуме. Соответственно миф обладает своей собственной формой систематической гармонизации: он упорядочивает яв-

¹⁵ Семушкин А. В. У истоков европейской рациональности. – М.: Интерпакс, 1996. – С. 18.

¹⁶ Хюбнер К. Критика научного разума. – М.: Российская академия наук. Институт философии, 1994. – С. 306.

ления в их взаимосвязи, использует "логику" своего алфавита и свои фундаментальные структуры (Gestalten)»¹⁷. Однако миф на пути к науке должен быть преодолен и одним из этапов такого преодоления является возникновение логоса как переходной стадии и, одновременно, новой формы упорядочивания и осмысления мира.

Фалес и Анаксимандр говорили о единой основе мира, Ксенофан – о Боге, который слит с космосом. Тем не менее, живое многообразие мира философы не отрицали, наконец, в монизме Парменида стали обрисовываться очертания будущего учения Платона о двух мирах – видимом и идеальном. Актуальность получает вопрос происхождения мира, наряду с логическими законами чистого разума и утверждения превосходства разума через понятие Абсолюта. Однако Абсолют исключает и движение, и изменение, и законами чистого мышления невозможно объяснить мироустройство. Конечно, греки широко использовали мифологические образы, в частности, Парменид опирался на древнейший образ богини Рока, которая есть Необходимость, порождающая мир обманчивого «мнения» и она управляет совершенной целостной природой. Разум же рассматривается как естественное качество, а его деятельность получает описание в границах природных категорий.

Эти представления постепенно эволюционируют в сторону понимания человеческой жизни как выражения движе-

¹⁷ Там же. – С. 320.

ния. Гераклит исходил из того, что «жизнь, природа и общество пронизаны движением. Он мыслит образами и у него повсюду метафора, картина, и в отличие от Парменида, следует не столько логике, сколько интуиции, предугадывая истинную суть вещей». Неслучайно, в основе его языка – парадоксы и афоризмы. В своей книге «О природе» Гераклит прямо говорит о том, как люди воспринимают истину, но, часто они действуют бессознательно. Однако истина едина, хотя «...следовать надо Реченью совместному— ибо совместное всеобще. Но хотя Речение сие и всеобще, люди живут так, словно у них личное есть разумение»¹⁸

¹⁸ *Гераклит Эфесский*. Все наследие на языках оригинала и в рус. пер.: крат. изд. / подгот. С. Н. Муравьев. – М.: ООО «Ад Маргинем Пресс», 2012. —С. 196.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.